

РУССКИЕ ДЕТИ НАПОЛЕОНА, ИЛИ МОСКОВСКИЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМ В 1812 г.

12 сентября¹ 1812 г. секретарь-переводчик Наполеона Э.Л.Ф. Лелорнь д'Идевилль доставил в московский Воспитательный дом двух мальчиков, которые остались без родителей и были подобраны французами на улицах сгоревшей Москвы. Одному из мальчиков (Алексею Михайлову) было 7 лет, другому (Василию Михайлову) - 4 года. Французский император, которому доложили о сиротах, принял в их судьбе деятельное участие. Он не только приказал доставить детей в Воспитательный дом, но и неоднократно после этого осведомлялся о том, как они были устроены¹. Согласно обычаю, мальчики получили фамилию того, кто принял участие в их судьбе, и стали Наполеоновыми. Вслед за ними девять детей, присланные от военного губернатора Москвы и Московской провинции маршала А.Э.К.Ж. Мортье, герцога Тревизского, превратились в Тревизских, а поступившие от французского коменданта Москвы дивизионного генерала Э.Ж.Б. Мийо (тоже девять детей) стали Милюевыми².

Так у Наполеона появилось двое русских детей, а у Мортье и Мийо - по девять. Об этом жизненном случае, произошедшем в оккупированной французами и сгоревшей Москве, вряд ли стоило бы вспоминать почти через 200 лет, если бы он не высветил очень непростой аспект будущей войны, когда грань, разделявшая людей на «своих» и «врагов», временами исчезает. Именно это произошло в истории с московским Воспитательным домом в 1812 г.

Как известно, московский Воспитательный дом был учрежден по инициативе И.И. Бецкого в 1763 г. для «приема и призрения подкидышей и бесприютный детей». Огромный комплекс Воспитательного дома, настоящее воплощение идей Просвещения, занимал целую квадратную версту на набережной Москва-реки. Ко времени вхождения в Москву неприятеля 333 взрослых воспитанника (143 мальчика и 190 девочек) были эвакуированы в Казань. Однако в Москве продолжало оставаться 1125 воспитанников и воспитанниц младше 11 лет. Их было решено оставить до того момента, «пока опасность не станет неизбежной»³. Таково было секретное распоряжение вдовствующей императрицы Марии Федоровны, августейшей покровительницы богоугодных заведений.

В течение августа главный надзиратель Воспитательного дома, действительный статский советник 60-летний Иван Акинфиевич Тутолмин ежедневно осведомлялся у главнокомандующего Москвы Ф.В. Ростопчина о положении дел. Однако вплоть до самого последнего момента, до вечера 1 сентября, когда стало известно о решении русского командования оставить столицу, Ростопчин, как можно понять, убеждал Тутолмина в отсутствии явной опасности и тянул с эвакуацией. Таким образом, ко времени вступления французов в Москву 2 сентября и началу грандиозного пожара Тутолмин и 1125 маленьких воспитанников оказались лицом к лицу с одним из величайших бедствий новой истории. Ситуация усугублялась тем, что в городе началась паника, сопровождаемая грабежами и убийствами. Во-первых, грабили русские солдаты, отставшие, раненые и дезертировавшие. Во-вторых, за несколько часов до появления в Москве французов начались неистовства со стороны выпущенных на свободу либо разбежавшихся уголовников⁴. В-третьих, к грабежам и погромам с энтузиазмом подключились подонки московского населения, вдохновленные патриотическими призывами Ростопчина и одурманенные винными парами. Расправившись возле дома московского главнокомандующего на Лубянке с «предателем», купеческим сыном М.Н. Верещагиным, пьяная толпа под улюлюканье стала таскать его растерзанное тело по улицам города.

Разгул вседозволенности охватил и служителей Воспитательного дома. «Войска наши кабаки разбили, народ мой перепился, - так описывал ситуацию 2 сентября Тутолмин в письме почетному опекуну И.Н. Баранову, - куда не сунуть, все пьяно: караульщики, рабочие, мужчины и женщины натаскали вина ведрами, горшками и кувшинами». Тутолмин, пытаясь привести служителей в чувство, «вино лил, а их бил и привел в некоторый порядок»⁵.

Опасаясь более пьяного патриотизма московской черни и уголовников, нежели входивших в город французов, Тутолмин бросился в Кремль, куда в 4 часа дня вошли войска Наполеона⁶. Выйдя к Кремлю со стороны храма Василия Блаженного, Иван Акинфиевич и его помощники увидели, как через Спасские ворота выходят на площадь густые колонны неприятельских войск. Протиснувшись между солдатами, которые их не останавливали, они попали в Кремль и «через 50 шагов» встретили какого-то наполеоновского генерала⁷. Этот генерал, выслушав просьбу Тутолмина о защите Воспитательного дома, предложил обратиться к только что назначенному военным комендантом дивизионному генералу А.Ж.О.А. Дюронелю. Остановив проходившего возле колокольни Ивана Великого жандармского офицера, генерал приказал ему доставить Тутолмина к губернатору. Хотя и с трудом, но Дюронеля все

¹ Даты в тексте и в документах даны по старому стилю.

же удалось найти. В ответ на просьбу Тутолмина взять под свою защиту грудных детей и малолетних французский губернатор выделил охрану из 12 конных жандармов при одном офицере. Вечером 2-го, уже в сгустившихся сумерках, видя вокруг себя разнузданные грабежи (все говорило о том, что 2 сентября наполеоновские солдаты в грабежах и поджогах участия еще не принимали), Тутолмин и его помощники с 13 конными жандармами возвратились в Воспитательный дом. Солдаты, которых выделил Дюронель, были так называемыми элитными жандармами - высокими крепкими людьми в больших медвежьих шапках на головах; их лошади были красивые и крупные. Тутолмин быстро организовал для жандармов хороший стол. Они «пили и ели аппетитно»⁸. Главный надзиратель отвел им для ночлега лучшее место - «в докторской квартире». Однако в ночь со 2-го на 3-е жандармы решили спать возле своих лошадей и устроились на сене. Одного часового они поставили у «кор-де-ложского двора»⁹.

В ночь на 3 сентября в Москве начались сильные пожары, которые не утихали вплоть до 6 сентября. Воспитательный дом был «со всех сторон окружен пламенем». С началом пожаров Тутолмин заставил всех своих служителей и даже малолетних воспитанников постоянно быть наготове, и не мешкая тушить возникавшие то тут, то там очаги возгорания. Примыкавшие к Воспитательному дому деревянные заборы и строения, которые загорелись или могли загореться, были разобраны. К счастью, несмотря на приказ Ростопчина вывезти из Москвы все пожарные трубы (т. е. пожарные насосы)¹⁰, четыре пожарные трубы Воспитательного дома остались в неприкосновенности и помогли отстоять дом от пожара.

3 сентября в Воспитательный дом приехал генерал-интендант Великой армии М. Дюма. Он осмотрел помещения и распорядился возле лабазов, примыкавших к главным корпусам, строить печи «для печения хлебов». Однако их так и не начали строить¹¹.

К вечеру 4 сентября поднялся сильный ветер, усугубленный мощным вихрем из-за возникшей вследствие пожара разницы температур. Вначале загорелось здание аптеки, затем конюшни, сараи и погреб, окружавшие главные корпуса. Огонь перекинулся даже на угол одного из корпусов. Корпус отстояли, но все остальные строения, в том числе аптека, сгорели¹².

4 сентября Наполеон, спасаясь от пожаров, покинул Кремль и перебрался в Петровский дворец. 6 сентября, когда пожар, уничтоживший 2/3 русской столицы, стал стихать, французский император решил возвратиться в Москву. В тот же день он объехал большую часть города, пытаясь оценить последствия пожара и навести некоторый порядок. Двигаясь по набережной Москва-реки от Москворецкого моста в сторону Яузы, Наполеон поравнялся с Воспитательным домом. «Император проезжал по большой набережной Москвы-реки, - писал секретарь-архивист Наполеона А.Ж.Ф. Фэн, - и среди этих сцен боли он увидел, что Воспитательный дом остался цел. Он обратился к своему секретарю-переводчику Лелорню: "Поезжайте и посмотрите от моего имени, - сказал он, - что случилось с этими маленькими несчастными"»¹³. Это событие будет иметь в дальнейшем важные последствия.

Обстоятельства, связанные с попытками Наполеона вступить в переговоры с русским императором Александром через Тутолмина, отечественные историки воспроизводят исключительно по донесению главного надзирателя Воспитательного дома Александру I от 7 сентября и по его же донесению вдовствующей императрице Марии Федоровне от 11 ноября 1812 г.¹⁴ Напротив, в зарубежной историографии авторы чаще всего ссылаются только на записки Фэна¹⁵.

Однако при сопоставлении русских и французских материалов возникает хотя и похожая, но в деталях не совпадающая картина. Начнем с того, что, по Тутолмину, Наполеон проезжал возле Воспитательного дома 5 сентября в районе двух часов дня. Тутолмин явно ошибается в отношении числа. Все говорит о том, что 5 сентября Наполеон весь день оставался в Петровском дворце, а объезд им города был произведен на другой день, т. е. 6 сентября. В то же время час, который указал Тутолмин, вероятно, точен. Но главное противоречие применительно к 6 сентября возникает при утверждении о том, кого именно Наполеон отправил в Воспитательный дом засвидетельствовать признательность его надзирателю. Фэн утверждает, что это был Лелорнь д'Идевилль, который был встречен Тутолминым с большой радостью и даже обласкан детьми, в то время как русские материалы говорят, что этим посланцем был Дюма. В данном случае прав оказывается Тутолмин. Конечно, Фэн получил от Лелорня вполне правдивую информацию о визите последнего в Воспитательный дом (напомним, что, помимо всего прочего, Фэн и Лелорнь были еще и близкими родственниками - сестра Лелорня была замужем за Фэном), но это относилось к следующему дню - 7 сентября!¹⁶

Итак, 6 сентября в районе 2 часов дня Наполеон отправляет в Воспитательный дом генерал-интенданта Дюма. Дюма, подсакав к дому, осведомился, где находится его начальник. Тутолмин, находившийся рядом, как он о себе написал, «в бессменной страже», сразу узнал Дюма, поскольку последний уже приезжал в Воспитательный дом¹⁷. Когда Тутолмин осведомился о цели визита генерал-интенданта, Дюма сказал, что он прислан «от императора и короля», который

«приказал благодарить за труд и за спасение дома». Здесь же добавил, что «его величеству угодно с вами лично познакомиться». На этом разговор закончился.

На следующий день, 7 сентября, Наполеон отправил к Тутолмину Лелорнь д'Идевиля. Предварительно император спросил, знаком ли Лелорнь с Тутолминым. «Сир, - ответил секретарь-переводчик, - я познакомился с ним во время моего первого пребывания в этом городе. Это достойный человек...»¹⁸ Примерно в 12 часов дня Лелорнь прибыл в Воспитательный дом и сообщил Тутолмину, что имеет поручение доставить последнего к императору. Иван Акинфиевич с радостью встретил Лелорня, с которым он познакомился пять лет назад, когда они оба часто бывали в доме у А. Д. Хрущева. Тутолмин и Лелорнь поцеловались. Иван Акинфиевич повел гостя к себе, предварительно показав ему ряд помещений Воспитательного дома. Подведя Лелорня к детям, Тутолмин сказал им: «Этого француза прислал император». Лелорнь тотчас же был встречен радостными возгласами детей; самые маленькие ухватились за его ноги, те, кто были постарше, бросились к нему на шею. «Защита вашего государя, - говорил Лелорню Тутолмин со слезами на глазах, - стала для нас милостью неба, и без защиты, которую ваш государь нам предоставил, не было бы надежды защитить наш дом от того, чтобы он не стал добычей грабежа и пожара». Иван Акинфиевич привел Лелорня к себе в комнаты и, разместившись, они «стали говорить как знакомые». «Я обрадовался, - пишет Тутолмин о Лелорне, - что он по-русски говорит, как русский». Лелорнь особенно расспрашивал о семействе Хрущева, и Тутолмин, что мог знать, отвечал ему. Наконец, Лелорнь взял Тутолмина за руку и тихо сказал, имея ввиду Наполеона: «Поедем, чем скорее, тем ему приятнее». Они поднялись, вышли из дома, сели вместе в дрожки и поехали в Кремль. Верховую лошадь, на которой Лелорнь приехал к Тутолмину, вели сзади за дрожками¹⁹.

Доставив Тутолмина в Кремль, Лелорнь ввел его в гостиную, расположенную возле Большого Тронного зала. Гостиная была заполнена офицерами и штатскими чиновниками императорской квартиры, которые все были заняты делами. Через 10 минут Лелорнь пригласил Тутолмина к императору, как можно понять, в Тронный зал. «Вот государь», - сказал Лелорнь д'Идевиль и, по-видимому, вначале удалился. Однако почти сразу же был вновь приглашен Наполеоном, так как выяснилось, что Иван Акинфиевич говорит по-французски с трудом. (Таким образом, Лелорнь, который переводил всю беседу, располагал достаточно точной информацией о ее содержании, когда вскоре после этого сообщал о ней Фэнгу.) Наполеон стоял возле камина, между колонн. Тутолмин быстро подошел и остановился в десяти шагах, низко поклонился. Тогда Наполеон сразу подошел к Тутолмину и, остановившись от него в одном шаге, начал разговор: «Ну что, месье, вот Вы и успокоились насчет судьбы своих сирот. Сколько их у Вас? Думают ли они все еще, что мы их съедем?». «Государь, - ответил Тутолмин. - Я повергаю к вашим ногам глубокое почтение и бесконечную признательность пяти сотен (так в тексте у Фэна. - В.З.) несчастных. Я дал им знать о вашей августейшей благосклонности. Их страх совершенно рассеялся; сейчас они играют с вашими солдатами; они благословляют вас и рады называть вас своим отцом». Выслушав благодарности Тутолмина, Наполеон снова взял слово: «Я хотел сделать для всего города то, что сделано для вашего заведения. Я поступил бы с Москвой так, как поступил с Веной и Берлином, но русские бросили город почти совершенно пустым, сами сожгли свою столицу и, стараясь причинить мне временное зло, разрушили создания многих веков. Нанесенный вами самим себе вред невосполним. Все рапорты, ежечасно мною получаемые, и зажигатели, пойманные за исполнением своего дела, доказывают, откуда исходят варварские повеления о таких ужасах. Донесите о том императору Александру. Ему, без сомнения, неизвестны сии злодеяния. Я никогда не воевал подобным образом. Мои солдаты умеют сражаться, но не жгут. От самого Смоленска я ничего не находил, кроме пепла. Известно ли вам, что в день моего вступления в Москву были выпущены из тюрьмы колодники? Правда ли, что увезены пожарные трубы?»²⁰.

По всей видимости, Тутолмин ответил, что до него доходили слухи о том, будто бы колодники выпущены и были увезены пожарные трубы. «Это не подлежит никакому сомнению!» - заявил Наполеон. Далее он спросил: «Этот Ростопчин бросил вас без какого-либо предупреждения, без каких-либо инструкций?». - «Государь, мы руководствовались в течение августа месяца секретным приказом императрицы-матери выехать как только опасность станет неизбежной. Мы находились в ожидании уведомления, которое нам должны были дать; каждый день мы ходили к губернатору Ростопчину, однако вплоть до последнего момента он держал нас более чем в полном неведении». Далее Тутолмин вновь начал благодарить императора за оказанную помощь. Наполеон в свою очередь спросил, чем он может ему помочь. «Сир, - ответил Тутолмин, - позвольте обратиться к нашей покровительнице и сообщить, что наш дом, о котором она думает, что он потерян, чудесным образом сохранился». - «Хорошо, напишите; я велю отвезти ваше письмо на аванпосты»²¹.

Несколько минут беседа была посвящена вопросам администрации Воспитательного дома.

Тутолмин представил собеседнику ведомость о числе детей²². Бегло просмотрев ее, Наполеон сказал с улыбкой: «Вы увезли в Казань всех взрослых девиц!» По поводу продовольствия Тутолмин сообщил, что имеет его только на один месяц, и сейчас, так как все подрядчики оставили Москву, он лишен возможности возобновить запасы на последующий срок. По-видимому, Наполеон в этой связи не преминул осведомиться, как действует система снабжения всей Москвы продовольствием.

В этот момент взгляд императора упал на пожары, которые были видны из окна, выходящего на Замоскворечье, и он снова заговорил о варварстве Ростопчина. «Несчастный! - воскликнул Наполеон. - К бедствиям войны, и без того великим, он прибавил ужасный пожар, и сделал это своей рукой хладнокровно! Варвар! Разве не довольно было для него бросить бедных детей, над которыми он первый попечитель, и 20 тыс. (в русских текстах указано 10 тыс. - В.З.) раненых, которых русская армия доверила его заботам? Женщины, дети, старики, сироты, раненые - все были обречены на безжалостное уничтожение! И он считает, что он римлянин! Это дикий сумасшедший!»

Все это, как можно понять, Наполеон произносил очень эмоционально, рассчитывая произвести на собеседника должный эффект. Затем он резко сменил тон и начал говорить о своих личных чувствах к императору Александру и о своем желании закончить эту войну. Он сказал, что мир будет легко заключить в том случае, если между двумя императорами не будет интриганов. На этом беседа, продолжавшаяся в общем недолго, примерно в течение получаса, завершилась. В ходе всей беседы Наполеон оставался на одном месте, «как вкопанный», пишет Тутолмин. Прощаясь с ним, Наполеон просил Ивана Акинфиевича написать императору Александру рапорт и отправить его с одним из чиновников, находившихся при Воспитательном доме.

Тутолмин на следующий день вновь приезжал в Кремль, на этот раз с письмом, подготовленным для отправки в Петербург, но не запечатанным, чтобы познакомить с его содержанием французского императора. По утверждению же Фэна, письмо было адресовано Марии Федоровне (!) и заканчивалось следующими словами: «Мадам, император Наполеон страдает, видя нашу страну почти полностью разрушенной средствами, которыми, говорит он, не подобает вести обычную войну (*bonne guerre*). Он убежден, что если между ним и нашим августейшим императором Александром никто не будет стоять, их старая дружба тотчас же обретет свои права, и все наши несчастья закончатся»²³. Однако мы полагаем, что Тутолминым было тогда подготовлено только одно письмо - императору Александру I.

Письмо должен был доставить в Петербург чиновник ведомства Марии Федоровны, комиссар Крестовой палаты Филипп Рухин, который состоял при Тутолмине и знал иностранные языки²⁴. История странствования Рухина с посланием в Петербург достаточно запутана. Согласно бумагам, которые были в начале XX в. обнаружены великим князем Константином Константиновичем Романовым в фамильном архиве²⁵, 7 сентября Рухин явился в Кремлевский дворец в канцелярию, где ему были вручены И. Мюратом (!) некие незапечатанные депеши на французском языке, которые он должен был вручить лично в руки императору Александру. Рухин, вернувшись в Воспитательный дом, вручил эти «депешы» Тутолмину, который увидел в них «донесение Мюрата» на предмет бедствий жителей Москвы. Тогда Тутолмин написал личное донесение императору Александру и императрице Марии Федоровне (*sic!*). На другой день (т.е. 8 сентября) Рухин получил в той же канцелярии паспорт на выезд из Петербурга и со всеми документами, которые зашил в воротник мундира (!), отправился в сопровождении французских драгун до Черной грязи. Там он явился «к начальнику казачьего отряда генералу Иловайскому» (видимо, к И.Д. Иловайскому 4-му), который признал его французским шпионом и отправил к генерал-адъютанту Ф.Ф. Винцингероде. Последний задержал его на несколько дней, допрашивал, морил голодом, требуя признания в шпионской деятельности. При этом Рухин не открыл истинной цели своей миссии и утаил имевшиеся при нем депеши. Только после полученного из Петербурга повеления императора Александра немедленно отправить Рухина в столицу, он был с фельдъегерем и под конвоем туда отправлен. А.А. Аракчеев лично представил его императору Александру и императрице Марии Федоровне, коим он и вручил депеши в собственные руки.

Очевидно, что изложенная выше история далеко не во всем правдива. Во-первых, почти невероятно, чтобы Мюрат решил лично написать русскому императору. Во-вторых, столь же невероятно, что Рухина принял в канцелярии в Московском Кремле именно Мюрат; если с Рухиным действительно имело дело какое-то важное лицо из французской администрации, то почти определенно им был Мортье. В-третьих, трудно поверить, что три пространных документа можно было утаить в ходе нескольких обысков, которым подвергся Рухин. Вызывают сомнения и некоторые другие моменты. И все же. История странствований чиновника Рухина, вне сомнения, основана на имевших место подлинных событиях, которые, однако, трудно отделить от фантазий рассказчика (или рассказчиков?). Можно только утверждать, что император Александр все же познакомился с донесением (или донесениями) Тутолмина, но никакого ответа ни главному надзирателю Воспитательного дома, ни, тем более, французскому командованию не дал.

В день встречи Тутолмина с Наполеоном в Воспитательный дом прибыли 300 жандармов во главе с полковником. Тутолмин разместил жандармов в комнатах кор-де-ложи, а также в квартире доктора Саблера. Полковнику Тутолмин отвел свою квартиру²⁶. Расходы на содержание жандармов Тутолмин взял на себя²⁷. Кроме того, жандармы реквизируют несколько лошадей, находившихся при Воспитательном доме, для строевой службы и обоза²⁸. Однако все эти расходы стоили того. За все время пребывания 300 жандармов в Воспитательном доме со стороны мародеров (будь то из числа наполеоновских солдат или «своих» грабителей) не было сделано ни одной попытки грабежа или другого насилия. 4 ноября 1812 г. Тутолмин специально доносил Марии Федоровне о том, что «взрослые девицы, учительницы из воспитанниц, молодые женщины и девицы» пребывают в добром здравии и что «ни одна ни малейшего от неприятелей не имела грубого расположения, а о похабстве даже никак от них не было замечено»²⁹.

8 сентября в Воспитательный дом приехал Дюма и внимательно его осмотрел. Он потребовал от Тутолмина план дома и взял его с собой. На другой день он прислал этот план обратно с архитектором Жиларди³⁰.

На плане Дюма карандашом разделил «квадрат» на равные половины и приказал одну из них вместе с окружающими строениями занять французскими ранеными и больными³¹. Тутолмин не на шутку испугался за порядок в Воспитательном доме и особенно насчет возможности распространения заразных болезней. 10 сентября он решился обратиться прямо к Наполеону с просьбой отменить это решение. Главный надзиратель указал в письме прежде всего на опасность заразных болезней³² и через Лелорнь д'Идевиля передал письмо французскому императору. Никакого письменного ответа на эту просьбу-мольбу Тутолмин не получил, но (вероятно, через того же Лелорня) узнал, как именно прореагировал император. Наполеон сказал: «Что он хочет, когда у него много комнат пустых, следовательно он не стеснится»³³.

Вместо ответа на письмо Тутолмина Наполеон 12 сентября прислал в Воспитательный дом двух сирот - Алексея Михайлова и Василия Михайлова, получивших фамилию Наполеоновы. В последующие дни с 16 сентября по 10 октября было прислано от французских властей еще 20 детей, оставшихся без родителей. Многие из них были грудными - 5, 8, 17 и 21 дня... Старшей из присланных детей, Елизавете Николаевой, направленной от Мортье и ставшей Тревизской, было 9 лет³⁴.

Помимо детей, присланных от французского начальства, служители Воспитательного дома в течение всего периода оккупации и сами все время находили «близ дверей Крестовой, близ церкви, по коридорам и другим местам» многочисленных подкидышей³⁵. Все они были подобраны и выхожены. Для кормления «рожковых детей» служители Воспитательного дома «с большим трудом сберегли 6 коров», укрыв их «в садах и в погребном этаже»³⁶.

13 сентября французы начали свозить раненых и больных солдат в те строения Воспитательного дома, которые окружали «квадрат». На следующий день прибыл инженерный офицер и солдаты-рабочие для оборудования «квадрата», где было намечено разместить французских раненых. Русским служителям пришлось срочно освободить это здание от имущества, оставив, однако, кровати с соломенными тюфяками, шкафы и стулья. Была оставлена и библиотека, двери которой французы опечатали. Однако, несмотря на уверения Дюма, что все останется цело, «многие из классических вещей были расхищены и попорчены, книги разодраны, а шкафы, столы, стулья и стульчики» пошли на отопление печей³⁷.

Согласно приказу Наполеона, в «квадрате» французы должны были разместить раненых офицеров (как полагаем, и часть раненых солдат), а больные (вероятно, из-за опасения заразных болезней) должны были быть сосредоточены исключительно в окружающих «квадрат» строениях. Кроме того, Наполеон приказал отделить те помещения, где были французы, от детей Воспитательного дома забором и сделать отдельные выезды.

С 15 сентября французы начали заполнять «квадрат» ранеными, «коих содержали от себя». Всего в «квадрате» и соседних строениях ежедневно содержалось не менее 3000 раненых и больных, всего же за период оккупации через строения Воспитательного дома прошло более 8 тыс.! По данным Тутолмина, ежедневно в «квадрате» умирало от 20 до 50 человек (всего умерло 1500 человек!). Тела умерших хоронили на пустыре за «квадратом», возле «городовой стены» Китай-города на территории, отведенной для Воспитательного дома. В окружающих «квадрат» строениях умирало чуть меньше - от 15 до 30 человек ежедневно (всего умерло до 1 тыс. человек!). Их хоронили за чертой Воспитательного дома, присыпая известью, которой, однако, было не очень много³⁸. Караульные французские солдаты располагались в Крестовой и Докторской комнатах.

На следующий день после начала «заселения» французскими больными и ранеными «квадрата» Тутолмин решил обратиться к оккупантам с просьбой выделить на нужды воспитанников съестные припасы. Хотя в Воспитательном доме припасов было вполне достаточно, мудрый и лукавый старик

решил скрыть это от французов, заявив о нужде, которую воспитанники испытывали в питании. Кроме того, он рассчитывал на то, что французы разрешат его людям ездить по деревням для закупки хлеба, и он сможет «уведомить наши войска о неприятеле». В ответ на просьбу Тутолмина Дюма немедленно распорядился отпустить Воспитательному дому 100 центнеров пшеницы и 20 центнеров гречневых круп из магазинов Великой армии³⁹. Тутолмин, который вовсе не нуждался в припасах, теперь обрел только лишние заботы. 11 ноября, составляя рапорт императрице Марии Федоровне, он воскликнет: «К несчастью дали мне по требованию моему пшеницы 100 центнеров, да круп гречневых 20 центнеров»! Однако (о, радость!) выяснилось, что нет свободных мельниц, где можно было бы смолоть зерно. Тутолмин (надо думать, со скрытой радостью) сообщил об этом французскому командованию. Однако французы сразу же дали деньги на починку поломанных мельниц в Шибавке и Юрьевке. Тутолмину ничего не оставалось другого, как все же смолоть пшеницу.

Дней через 10 после первого обращения с просьбой о снабжении Воспитательного дома продовольствием Тутолмин вновь обратился к

Дюма, на этот раз с просьбой позволить покупать хлеб внутри «своих форпостов», т. е. в окрестностях Москвы, занятой французами. Дюма предложил отнестись к гражданскому губернатору Ж.Б.Б. Лессепсу, который в свою очередь обратился к Мортье. Мортье наконец дал разрешение отправить чиновников Воспитательного дома «по деревням для отыскания хлеба», снабдив их соответствующими бумагами и предложив обеспечить их ассигнациями для расходов⁴⁰.

2 октября Тутолмин наконец-то отправил своих подчиненных (надворного советника Данилевского с тремя чиновниками, переводчиком, двумя унтер-офицерами и тремя работниками) по деревням, дабы те под предлогом закупки продовольствия установили контакт с нашими войсками. В 12 верстах от Москвы на Петербургской дороге они встретились с казачьим отрядом «генерал-майора Иловайского» (по-видимому, это был отряд И.Д. Иловайского 4-го). Иловайский проводил задержанных к Винцингероде. Последний выделил для Воспитательного дома хлеб, но оставил в качестве заложников четырех человек из отряда. Остальные, снабженные припасами, были отпущены, но с требованием возвратиться обратно с новыми сведениями о происходящем в Москве.

10 октября, когда основная масса французских войск уже несколько дней как покинула город и маршал Мортье с остатками гарнизона также собирался, предварительно взорвав Кремль, эвакуироваться, Тутолмин вновь отправил людей к Винцингероде⁴¹. В 12 верстах от Москвы они узнали от казаков, что Винцингероде был взят неприятелем в Москве в плен, и 11 октября они возвратились обратно в город.

Между тем сами французские власти как могли пытались снабжать Воспитательный дом продовольствием. Так, Лессепс доставил в дом восемь коров и четыре барана. Под прикрытием французских солдат работники Воспитательного дома пытались собирать в полях картофель, которого, однако, оказалось очень мало. Пришлось довольствоваться в основном сбором капусты⁴².

Перед самым выходом главных сил французов из Москвы оказалось, что они сами чрезвычайно нуждаются в продовольствии. 5 октября «комиссары», посланные от французского начальства, обратились к Тутолмину с просьбой занять некоторое количество хлеба «для печения хлебов на их армию». В тот же день началась эвакуация из Воспитательного дома легкораненых и выздоравливающих. На их место в строения дома французы переводили раненых и больных из других госпиталей.

6-7 октября французская армия выступила по Калужской дороге, одновременно отправив «тяжелые обозы» в направлении Смоленска.

Жандармам, охранявшим Воспитательный дом, также было приказано выйти в поход. Поэтому Тутолмин обратился к Мортье с просьбой прислать вместо жандармов новый караул⁴³. Мортье, который стягивал свой небольшой гарнизон к Кремлю, вначале обещал прислать 10 человек с офицером. Однако по неизвестным причинам караул не явился. Тогда 8 октября Тутолмин обратился к Лессепсу с просьбой отдать приказание караулу, который стоял при французских лазаретах, охранять и Воспитательный дом⁴⁴. При этом главный надзиратель с тревогой сообщал, что рядом с Воспитательным домом начались беспорядки. По его словам, чиновник Воспитательного дома Зверев попытался на Москворецкой набережной заступиться за служащих, которых грабили французские мародеры, но сам чуть не был сброшен в реку⁴⁵.

9 октября адъютант Лессепса известил Тутолмина, что гражданский губернатор Москвы приказал французскому караулу обеспечить безопасность Воспитательного дома. Однако вместе с тем Лессепс настоятельно потребовал принять в дом больных и раненых французских солдат из других частей Москвы, а также устроить «жителей в Москве французской нации». Однако Тутолмин теперь не был расположен выполнять просьбы французского начальства, время которого подходило к концу. Наоборот, главный надзиратель потребовал, чтобы московские французы, «как равно и прочие

жители», нашедшие «пристанище от пожара», теперь покинули Воспитательный дом⁴⁶. 10 октября, ближе к ночи, французский караул при Воспитательном доме был снят⁴⁷.

Без сомнения, Тутолмин был уведомлен французами о подготовке Мортье к уничтожению Кремля. Поэтому главный надзиратель заблаговременно приказал открыть в Воспитательном доме все окна. Наконец, во 2-м часу ночи прогремел первый взрыв, затем раздалось еще пять сильных ударов. Был разрушен Арсенал, пристройки к Ивановской колокольне, некоторые башни и часть кремлевской стены. Однако, как ясно из текста донесения Тутолмина Марии Федоровне от 12 октября, план полного разрушения Кремля не осуществился из-за сильного дождя, который, нарастая, лил всю ночь⁴⁸.

Теперь на попечении Тутолмина, хотел он этого или нет, помимо воспитанников и служителей дома, оказалось еще более 1 тыс. раненых и больных неприятельских солдат и 16 офицеров. У них, оставленных на милость русских, не было никакого караула, не было пищи и не было лекарств. В помещениях, где они лежали, стоял смрад. Раненые «испражнялись в тех же комнатах, в которых лежали»⁴⁹.

11 октября в Москву вступили войска Иловайского 4-го. Тутолмин немедленно сообщил ему, что в Воспитательном доме имеются многочисленные французские раненые и просил о выделении караула. Однако еще до того, как Иловайский успел отправить отряд в Воспитательный дом, туда ворвались русские казаки, сопровождаемые толпой крестьян, которые грабили все и всех подряд и, попутно, безжалостно расправлялись с отставшими и ранеными французскими солдатами. Однако Тутолмину удалось предотвратить самосуд, но это не спасло ни раненых французов, ни служителей Воспитательного дома от ограбления⁵⁰. Дальнейшие насилия со стороны русских «мстителей» были пресечены караулом из 20 гусар с одним офицером, который был выделен Иловайским⁵¹.

Так как Тутолмин полагал, что насилия над ранеными, отданными на его попечение, провоцируются еще и тем, что некоторые из них упорно не хотели расставаться с оружием, пришлось заняться их разоружением. 12 октября Тутолмин приказал «экономскому помощнику» Зейпелю это оружие изъять, что и было исполнено. Благодаря реестру, который в этой связи был составлен, мы можем точно сказать, что на тот день при Воспитательном доме было 1098 больных и раненых неприятельских солдат, 8 офицеров, людей при офицерах - 12, медицинских служителей - 10. Изъято было ружей со штыками - 171, без штыков - 158, «худых» ружей - 6, пистолетов - 5, тесаков - 113, сабель и палашей - 38⁵².

К радости Тутолмина, уже к 25 октября возвратившиеся русские власти поспешили вывести из зданий Воспитательного дома всех раненых и больных неприятельских солдат, оставив там только 10 человек офицеров⁵³. Взору русских служителей Воспитательного дома предстала тягостная картина некогда образцовых помещений - окна были выбиты, двери сняты с петель, перегородки разобраны, всюду были следы человеческих испражнений⁵⁴. Ситуация усугублялась тем, что здоровье многих воспитанников и служителей Воспитательного дома было расстроено, все мучились поносами, часто кровавыми, испытывали слабость. 2 ноября пришлось созывать медицинский совет. Медики пришли к выводу, что главными причинами заболеваний были: 1. Испытанный страх от сильных взрывов в Московском Кремле. 2. Воздействие испарений гниющих трупов (только рядом с Воспитательным домом было небрежно погребено до 2500 тел); 3. «Употребление по недостатку кваса, сырой воды»; 4. Наличие в Москва-реке множества трупов; 5. Скучная пища. Для устранения болезней были предложены простые, но действенные меры⁵⁵, которые и принесли ожидаемый эффект.

Так завершились для Воспитательного дома и его начальника Тутолмина тяжелые испытания, выпавшие на их долю в 1812 г. Но что стало с мальчиками и девочками, получившими фамилии Наполеоновы, Тревизские и Милиевы? 11 ноября 1812 г. Тутолмин отправил список этих детей к Марии Федоровне с просьбой «означить фамилиями приславших оных», либо же «уничтожить оные» фамилии. На этом списке в Петербурге была сделана надпись: «Прозвищами данными питомцам по фамилии господ оставивших их в Воспитательном доме, М[ария] Ф[едоровна] Высочайше повелеть соизволила не именовать»⁵⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И.А. Тутолмин - вдовствующей императрице Марии Федоровне. 11 ноября 1812 г. Копия // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф.160. Ед. хр. 199. Л. 65. (далее - ОПИ ГИМ); Именной список детям, присланным в московский Воспитательный дом от французских начальников. 11 ноября 1812 г. // Там же. Л. 86. Донесение И.А. Тутолмина Марии Федоровне от 11 ноября 1812 г. опубликовано в «Русском архиве» (1900. № 11. С. 462-173), однако рукописный текст, использованный нами, имеет отличия от опубликованного; все дальнейшие ссылки - на рукописный текст.

²И. А. Тутолмин - вдовствующей императрице Марии Федоровне. 11 ноября 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф.160. Ед. хр. 199. Л. 65; Именной список детям... // Там же. Л. 86-86об.

³Ведомость о числе воспитанников. 6 сентября 1812 г. Копия // Там же. Л. 79.

⁴Вопрос об участии уголовников в организации грабежей и пожаров в Москве в 1812 г. является предметом острых споров уже почти 200 лет. Полагаем, что на сегодняшний день можно считать доказанным факт сознательного освобождения утром 2 сентября Ростопчиным 166 колодников Временной тюрьмы с целью организации поджогов. Что же касается 627 заключенных Тюремного замка, то значительная их часть (до 80 человек) также оказалась на свободе из-за слабости выделенного конвоя и также приняла участие в грабежах и поджогах города.

⁵И.А. Тутолмин - И.Н. Баранову. Москва, ноябрь 1812 г. // Рус. архив. 1900. №11. С. 457.

⁶Вместе с Тутолминым были «экономический помощник» Зейпель и сын коллежского регистратора Петра Христиани, который хорошо говорил по-французски.

⁷Кто это был? Ф. М. Дюфур, командовавший после ранения Л. Фриана 2-й пехотной дивизией, или бригадный генерал А.Б.Ж. ван Дедем де Гельдер, командир 2-й бригады той же дивизии, либо кто-то из кавалерийских генералов, сказать точно невозможно.

⁸События 2 сентября описаны по: И. А. Тутолмин - И.Н. Баранову // Рус. архив. 1900. №11. С. 457-158; И.А. Тутолмин - Марии Федоровне. 11 ноября 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф.160. Ед. хр. 199. Л. 60 об.-61. Эти 13 жандармов, находившиеся в Воспитательном доме с вечера 2 до 6 сентября, когда их сменили более 300 жандармов, съели и выпили на 687 руб. 17 1/2 коп. Они ели телятину, ветчину, копченые языки, грибы, прованское масло, сахар, масло, хлеб и картофель. Пили кофе, чай, пиво (3 бочки), вино, водку и ром (Расходы на содержание 12 жандармов с офицером, прибывших 2 сентября. Копия // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 87). Прибывшие 6 числа 300 жандармов также отличались завидным аппетитом.

⁹Корделож или кор-де-лож - центральный корпус Воспитательного дома. Главные строения Воспитательного дома представляли собой два квадратных боковых корпуса, в центре каждого из которых находился обширный двор, и среднего корпуса (корделожа) с двумя церквями, который выступал к набережной Москва-реки. На противоположной стороне от среднего корпуса размещалось родильное отделение, а далее - центральный подъезд (с ул. Солянки). Перед «квадратами» и средним корпусом, выходя на набережную, были разбиты парки. План Воспитательного дома начала XIX в. мы обнаружили в материалах ГИМа (ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 102-105). Главные строения Воспитательного дома (значительно перепланированные внутри и с упрощенной фасадной отделкой) сохранились до наших дней. Сейчас здесь размещается Военная академия ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого.

¹⁰Предписание Ростопчина обер-полицмейстеру П.А. Ивашкину о вывозе из Москвы пожарных труб. 1 сентября 1812 г. // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные П.И. Щукиным. М., 1897. Ч. 1. С. 96. В «Правде о пожаре Москвы» Ростопчин открыто признался, что приказал вывести из города 2100 полицейских пожарных и 96 труб (Rostopchine F.V. La Verite sur l'incendie de Moscou. P., 1823. P. 11).

¹¹И.А. Тутолмин - Марии Федоровне. 11 ноября 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф.160. Ед. хр. 199. Л. 62.

¹²И.А. Тутолмин - И.Н. Баранову. // Рус. старина. 1900. С. 458-459. В официальном отчете, составленном для Марии Федоровны и помеченном 11 ноября 1812 г., Тутолмин написал: «... когда я с подчиненными моими и с помощью пожарных труб старался загасить огонь, тогда французские зажигатели поджигали с других сторон вновь» (И.А. Тутолмин - Марии Федоровне. 11 ноября 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 62 об.). Эта фраза из официального отчета Тутолмина будет в дальнейшем широко использоваться во многих трудах отечественных авторов как неопровержимое свидетельство организации московского пожара французами. Между тем все другие материалы, связанные с Воспитательным домом, в том числе и свидетельства самого Тутолмина, не подтверждают этого заявления. Умный и по-стариковски лукавый, главный надзиратель включил эту фразу в отчет потому, что «так хотелось начальству».

¹³*Fain A.-J.-F.* Manuscrit de 1812. P., 1827. Vol. 2. P. 99. Как мы увидим далее, Фэн ошибается. Наполеон отправил 6-го сентября в Воспитательный дом главного интенданта Дюма. В первый раз Наполеон был возле Воспитательного дома тремя днями ранее; тогда дом уже охраняли 13 элитных жандармов.

¹⁴*Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 г. 2-е изд. СПб., 1840. Ч. 2. С. 66-67; *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 2. С. 319-320.

¹⁵См., напр.: *Olivier D.* L'incendie de Moscou. P., 1964. P. 120-122; *Austin P.B.* 1812: Napoleon in Moscow. L., 1995. P. 56. Д. Оливье использовала краткий отрывок из донесения Тутолмина Александру I, но взяла его из книги Е.В. Тарле.

¹⁶Между прочим, Фэн допустил и еще одну неточность. Вначале он утверждал, что «главный директор» приюта эвакуировался вместе с детьми старше 12 лет, а оставшийся Тутолмин был «помощником директора». Однако позже Тутолмин у Фэна все же оказывается «директором». Должность Тутолмина называлась «главный надзиратель».

¹⁷И.А. Тутолмин - Марии Федоровне. 11 ноября 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 63. Тутолмин относит первый визит Дюма к 3 сентября, что, по-видимому, верно.

¹⁸*Fain A.-J.-F.* Op. cit. P. 103. Как известно, Лелорнь д'Идевилль ранее жил в России, находясь при

французской дипломатической миссии.

¹⁹Так эту встречу описали Тутолмин в письме к Баранову и Лелорнь в разговоре с Фэном. В донесении же Марии Федоровне Иван Акинфиевич писал о Лелорнь д'Идевиле не иначе как о «лазутчике».

²⁰Последней обширной тирады Наполеона у Фэна нет. Она воспроизводится по донесениям Тутолмина.

²¹Фэн утверждает, что Тутолмин просил разрешения отправить письмо Марии Федоровне, на что французский император дал согласие. Но большинство материалов свидетельствует, что было только письмо к Александру I. В фондах ОПИ ГИМ нами найден набросок текста неизвестного лица, относящийся, вероятно, к сентябрю 1812 г.: «Еще сказывают, что Ивана Акинфиевича Тутолмина призывал Наполеон и велел ему от себя государю императору написать и послать с нарочным офицером, коего он сам избрать соизволил». Далее в тексте говорится, что Тутолмин представил Наполеону это письмо «на прочтение и потом отправил» (ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 213. Л. 50б.).

²²См.: Ведомость о числе воспитанников. // Там же. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 79.

²³*Fain A.-J.-F.* Op. cit. P. 103.

²⁴О том, что это был действительно Рухин, свидетельствует ведомость расходов, подготовленная Тутолминым 11 ноября (?) 1812 г. Рухину были даны две лошади, одна из которых в дороге пала (ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед.хр. 199. Л. 88об.).

²⁵*К.Р.* История Отечественной войны 1812 г.: Последняя попытка Наполеона начать мирные переговоры с императором Александром во время занятия Москвы французскими войсками // Рус. старина. 1912. Янв. С. 59-61. «К.Р.» - без сомнения вел. кн. Константин Константинович Романов.

²⁶И.А. Тутолмин - Марии Федоровне. 11 ноября 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 63. Л. 64.

²⁷Составляя 11 ноября 1812 г. реестр съеденному и выпитому 300 жандармами, Тутолмин указал, что они выпили 110 бутылок пива, 15 бутылок цымянского и 30 бутылок красного вина (ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 88).

²⁸И. А. Тутолмин - Марии Федоровне. 11 ноября 1812 г. // Там же. Л. 64.

²⁹И. А. Тутолмин - Марии Федоровне. 4 ноября 1812 г. // Там же. Л. 58.

³⁰Как известно, было два архитектора Жилярди, работавших в те годы в России - отец, Иван Дементьевич, и сын, Дементий Иванович. Здесь речь может идти как об отце, так и о сыне, которые оба служили в архитектурном ведомстве московского Воспитательного дома. И.Д. Жилярди умер в 1817 г. Д. И. Жилярди после войны 1812 г. построил заново аптеку и лабораторию, а затем создал ансамбль Опекунского совета Воспитательного дома.

³¹Как полагаем, «квадратом» тогда обозначали оба квадратных в плане строения, одно из которых (западное) предназначалось для воспитанниц, а другое (восточное) - для воспитанников. Мы не можем точно определить, какой именно из «квадратов» должен был достаться раненым и больным солдатам армии Наполеона.

³²И.А. Тутолмин - Наполеону. 11 сентября 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 80-80об.

³³И.А. Тутолмин - Марии Федоровне. 11 ноября 1812 г. // Там же. Л. 66.

³⁴Именной список. // Там же. Л. 86-86об.

³⁵И.А. Тутолмин - Марии Федоровне. 11 ноября 1812 г. // Там же. Л. 65.

³⁶Там же. Л. 89.

³⁷И. А. Тутолмин - Марии Федоровне. 11 ноября 1812 г. // Там же. Л. 65-65 об.

³⁸И.А. Тутолмин - Ф.В. Ростопчину. 24 октября 1812 г. Копия // Там же. Л. 51 об.-52; И.А. Тутолмин - Марии Федоровне. 11 ноября 1812 г. // Там же. Л. 66-66об. Из письма Ростопчину можно понять, что известно присыпались все мертвые, умиравшие как в «квадрате», так и в ближайших строениях. Однако из текста донесения Марии Федоровне можно понять, что речь идет только о тех, кто умер вне «квадрата».

³⁹М. Дюма - И.А. Тутолмину. 16 сентября 1812 г. Копия перевода // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 80об; Приказ провиантмейстеру А.Д. Эрве. 30 сентября 1812 г. Копия перевода // Там же. Л. 82.

⁴⁰Предлагавшиеся Мортье бумажные деньги были, по-видимому, фальшивыми, что и заставило Тутолмина от них отказаться. В докладе от 11 ноября на имя Марии Федоровны главный надзиратель рассказал, как жандармский полковник, стоявший у него на квартире, попросил его разменять 100-рублевую ассигнацию (как догадывался Тутолмин, фальшивую) на 25-рублевые. Тутолмин стал божиться, что у него таких банкнот нет, а есть такие же (фальшивые) сотенные. После настоятельных просьб полковника и полагая, что его помощь еще может пригодиться, Тутолмин все же разменял одну 100-рублевую ассигнацию.

⁴¹Можно ли полностью исключить, что подозрения Винцингероде в том, что миссия людей из Воспитательного дома могла носить шпионские цели в пользу французов, были необоснованы? Известно, к примеру, что 24 сентября (ст. ст.) Тутолмин выправил бумагу на выезд из Москвы для московской жительницы Марии Лемон, муж которой добровольно поступил на французскую службу по комиссариатской части. Ее саму провожали до заставы люди генерала М. Сокольникового, возглавлявшего разведку Великой армии. При этом письма мужу из Ярославля в Москву Мария Лемон адресовала на имя Тутолмина (Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные П.И. Шукиным. С. 151). Поэтому мы не исключаем, что, добываясь у французских властей разрешения на выезд людей Воспитательного дома из Москвы, Тутолмин мог пообещать снабжать французов сведениями о ситуации на Петербургской дороге.

- ⁴²И.А. Тутолмин - Марии Федоровне. 11 ноября 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 68.
- ⁴³И.А. Тутолмин - А.Э.К.Ж. Мортье. 7 октября 1812 г. Копия с копии // Там же. Л. 83.
- ⁴⁴И. А. Тутолмин - Лессепсу. 8 октября 1812 г. Копия // Там же. Л. 84.
- ⁴⁵Там же.
- ⁴⁶9 октября лекарь Воспитательного дома Науман объявил Тутолмину, что принят во французскую службу по медицинской части и отбыл из Москвы.
- ⁴⁷И. А. Тутолмин - Марии Федоровне. 12 октября 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 41; И.А. Тутолмин - Марии Федоровне. 11 ноября 1812 г. // Там же. Л. 69.
- ⁴⁸И. А. Тутолмин - Марии Федоровне. 12 октября 1812 г. // Там же. Л. 41.
- ⁴⁹И.А. Тутолмин - Ф.В. Ростопчину. 24 октября 1812 г. // Там же. Л. 51об.; И. А. Тутолмин - Марии Федоровне. 12 октября 1812 г. // Там же. Л. 41 об.
- ⁵⁰И. А. Тутолмин - Марии Федоровне. 11 ноября 1812 г. // Там же. Л. 69. Существует и несколько иная версия драмы, разыгранной в тот день в Воспитательном доме. Ее предложил некто Газо, «экипажный инспектор», оставленный вместе со своим зятем Луи Газо французским командованием для организации обеспечения раненых. По его мнению, 600 вооруженных раненых сами отбили три нападения со стороны мужиков и казаков. После чего полковник А.Х. Бенкендорф предложил пленным сложить оружие, «обещая щадить госпитальное население». 30 солдат из числа раненых французов, которые не пожелали сдаться и попытались вырваться из Воспитательного дома, были окружены казаками и изрублены (Французы в России. М., 1912. Ч. 2. С. 130-131).
- ⁵¹И. А. Тутолмин - Марии Федоровне. 12 октября 1812 г. // Там же. Л. 41об.
- ⁵²[Ведомость] 24 октября 1812 г. Копия с копии // Там же. Л. 85-85об.
- ⁵³Упомянувшийся выше мемуарист Газо отмечал, что раненых перемещали из Воспитательного дома «в какие-то подземелья, куда не проникал даже и свет и где они умирали по 30 человек ежедневно» (Французы в России. С. 131). Генерал-майор Иловайский 4-й доносил 15 октября из Москвы, что «пленные французы помещаются под присмотром отставного майора Оленина в сохранившиеся от пожара части Петровского дворца, из коих уже 550 человек препровождены в Тверь» (ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 201. Л. 49).
- ⁵⁴И.А. Тутолмин - Марии Федоровне. 11 ноября 1812 г. // Там же. Л. 69 об.-70.
- ⁵⁵Доктор Алексей Черняев - Тутолмину. 4 ноября 1812 г. // Там же. Л. 57.
- ⁵⁶И.А. Тутолмин - Марии Федоровне. 11 ноября 1812 г. // Там же. Л. 65; Именной список детям. // Там же. Л. 86-86об.